

ПРОБЛЕМА «КУЛЬТУРЫ С БОЛЬШОЙ БУКВЫ» КАК ИНДИКАТОР ВАРИАНТОВ КОНСТРУКТИВИЗМА

Мартынов Владимир Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент. Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. Российская Федерация, 644077, г. Омск, пр-т Мира, д. 55а; e-mail: vmartynov@list.ru

Несколько недавних публикаций по теории музыки и литературы производят впечатление нового рубежа в становлении конструктивистской философии культуры. Редуцировать культурные артефакты до конструктов, эксплицирующих бессознательные инстинкты, мы научились давно, в литературоведении этой практике более ста лет; теперь технология такого редуцирования есть и для музыки. Именно в этой точке становится понятным, что для идентификации вариантов конструктивизма в качестве индикаторов можно использовать какие-то самые простые предположения, например, допущение возможности онтологической значимости встречи субъекта восприятия текста с «художественностью» этого текста. Такое допущение имплицитно содержит в себе эпистемологический реализм. Именно так становится понятным, что реализм не есть нечто окончательно мертвое, в том числе и для последовательного конструктивизма. Там, где конструктивизм допускает в онтологии существование «классических» текстов, т. е. «культуры с большой буквы», он оказывается толерантным к реализму. Отказ от классики – признак радикальных версий конструктивизма. Возможна фиксация различия между онтологиями, которые будут отличаться между собой как состояния утраты и забвения реальности.

Ключевые слова: конструктивизм, реализм, философия культуры, «высокая культура», С. Рейнольдс, Г. Тиханов

“HIGH CULTURE” AS AN INDICATOR OF CONSTRUCTIVISM’ OPTIONS

Vladimir Martynov – PhD in Philology, associate professor. Dostoevsky Omsk State University. 55 Mira St., Omsk, 644077, Russian Federation; e-mail: vmartynov@list.ru

The author claims that recent publications on the theory of music and literature show some new trends in constructivist philosophy of culture. One of them is the idea of subconscious roots of cultural artifacts that has been applied in music studies. It was at this point it becomes clear that in order to identify variants of constructivism as indicators you can use some very simple assumptions, for example, the assumption of the possibility of the ontological significance of the “artistry” of the text. Such an assumption implicitly contains epistemological realism. So it becomes clear that realism is not something completely dead, including those for constructivism. Where constructivism allows the existence of good (“classic”) texts, that is, of “high culture”, he is tolerant to realism. On the other side, rejection of the classics is a sign of the radical versions of constructivism. There is possibility of fixing the difference between ontologies, which differ among themselves as a state of loss and forgetting the reality.

Keywords: constructivism, realism, philosophy of culture, “high culture”, S. Reynolds, G. Tihanov

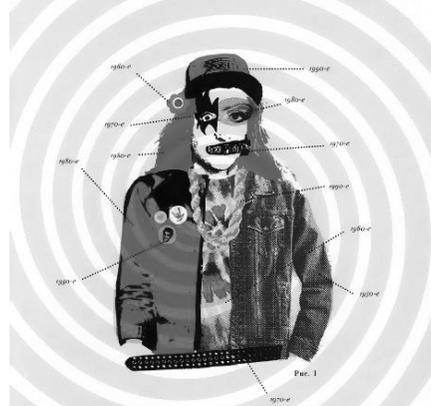

Импульсом к размышлению о перспективах и пределах конструктивизма стало знакомство с русским переводом книги “Retromania” (2011) известного музыкального критика и футуролога Саймонда Рейнольдса [Рейнольдс, 2015]. Мы уже давно привыкли, что литературный текст можно попытаться редуцировать до инстинкта, классового или сексуального, многие учились это делать еще в советской школе по статьям В.И. Ленина. Но музыка... В восприятии музыки намного более выраженными являются моменты «непосредственной» «душевности», именно поэтому о музыке труднее говорить, настолько, что Л. Бернштейн полагал, что это

вообще почти невозможно, что это получалось только у О. Хаксли и Т. Манна. А если речь идет о музыке, являющейся постоянным источником эмоционального здоровья вышеупомянутых «многих», о рок-классике 1960–1970-х гг.? Неужели и “Yesterday” можно редуцировать до конструкта, сводимого к патологии? Можно. Книга С. Рейнольдса – выразительный рубеж на этом пути. Для автора «Ретромании» каждая ситуация, когда кто-то из живущих ныне включает в плеере “Yesterday”, – проявление «некрофилии». Объяснений «ретромании» в книге несколько, но, конечно же, в конце ожидаемое общее «объяснение» для всего-всего: «некрофилия». «...Мы не можем оставить прошлое в прошлом. Неофилия («неофилия» – определение сути 1960-х, когда музыка «гналась за будущим без оглядки». – В.М.) постепенно превращается в некрофилию» [Рейнольдс, 2015, с. 468]. Зафиксировав сотню раз в своей книге ситуацию встречи современного слушателя с текстами классики современной популярной музыки, автор ни разу не допустил возможность «простого» объяснения, согласно которому такая встреча объяснима прежде всего качеством текстов как таковых и адекватностью слушателя как такового. Неужели так? Неужели желание послушать “Yesterday” – только проявление «некрофилии»? Можно было бы надеяться, что понять автора так нельзя, что твердое «некрофилия» в конце – это оговорка, ошибка или эпатажный шик лондонского денди? Но это не ошибка. Это твердый морфологический признак новейшего облика современной науки, абсурд итога

РЕТРОМАНИЯ

Поп-культура в плену собственного прошлого

Саймон Рейнольдс

«Ретромания» — не все книги, что впервые могут изменить представление о том, как можно осмыслить песни, культуру и, в конечном счете, самого себя. Дайте ей шанс
— Александр Горбачев, «Афиша»

ozon.ru

целиком и полностью предопределен исходными эпистемологическими процедурами, предшествующими дискурсу. А именно выбором в качестве первого шага к рациональности конструктивизма, понятого предельно радикально, «по-французски»¹. И в этой точке понятно, почему проблема «может ли Мэри нравиться “Yesterday”?» оказывается такой острой для идентификации радикального конструктивизма. Она действительно одна из решающих. Как только мы твердо и определенно произносим, что «Мэри нравится песня, потому что она хорошая», для радикального конструктивизма появляются неразрешимые проблемы. Потому что в бэкграунде утверждения «Мэри любит хорошую песню» содержатся следующие импликации: первая: Мэри – человек, обладающий сознанием. Вторая: это сознание представляет собой нечто цельное. Третья: это сознание обладает самосознанием. Четвертая: это сознание может быть адекватным. Пятая: сам текст тоже может быть адекватным. И т. д. Все перечисленные импликации – реалистичны. Утверждение «Мэри любит “Yesterday”» опирается на допущение адекватности Мэри и адекватности “Yesterday”, а и то, и другое – объективизм и реализм.

Похороны классики поп-музыки соответствуют фундаментальному тренду современного знания на ликвидацию культуры как таковой – тому, что красной нитью проходит в публикациях в глянцеваых научных журналах. Кульминацией этой линии для автора этих строк стала дискуссия в «Новом литературном обозрении» об «антропологическом повороте» в 2010–2013 гг.² В её материалах – предельная степень самосознания всего современного знания как такового. «Застрельщик» дискуссии американский антрополог и филолог К. Платт оказался в центре событий потому, что он чуть честнее и ушел чуть дальше других. Он договаривает то, что очень трудно произнести по-русски: отказ от бережного отношения к текстам Пушкина³. Но он именно договаривает то, что у его коллег между строк. Если бы это было не так, были бы недоуменные вопросы. Но их не было⁴. В готов-

¹ Фундаментальная для книги «Ретромания» теория – концепция Дерриды «архивной лихорадки» [Derrida, 1998], смысл которой в конечном итоге – влечение к смерти. См.: [Рейнольдс, 2015, с. 70–72].

² Новое литературное обозрение. № 106 (2010); № 113 (2012); № 122 (2013).

³ «Специалист, изучающий Пушкина», «гораздо больше похож на первосвященника какой-то религии, чем на ученого, взыскующего знания. <...> Я полагаю, что наука в целом должна двигаться другим путем» [Платт, 2012, с. 72]. То есть как только ты берешь томик Пушкина, ты перестаешь быть ученым!??

⁴ За одним исключением. Недоумевал недавно ушедший В. Живов, сокрушавшийся, что, будучи студентом, К. Платт, видимо, слишком мало читал Бахтина и слишком много Делеза («Если бы американскому студенту давали вместо Батая и Делеза эту (Вебер, Курциус, Ауэрбах, Бахтин. – В.М.) более здоровую пищу, не возникло бы по крайней мере части тех проблем, которые мучают начавшего дискуссии автора» [Живов, 2010, с. 45]. Живов, профессор Беркли, знал, что говорил. С его уходом его голос больше не нарушает неполиткорректностью общее согласие.

ности к абсурду единодушие. Практика-привычка относиться всерьез к классическим текстам, «для души» читать Толстого с точки зрения современной науки оказывается безумием. Особенно преступной является привычка читать Достоевского. Здесь совсем все просто. Такая привычка – следствие сгустка комплексов, садомазохистская сублимация травмы, возникшей вследствие невозможности реализовать свойственную русским имперскую плюс националистическую агрессивность. Никакого другого смысла в чтении Достоевского с точки зрения последовательно современной науки нет. Вот что можно прочитать в одной из заметок модератора дискуссии об «антропологическом повороте» О. Тимофеевой: «В самом словосочетании “русская философия” уже присутствует нечто стыдливо замалчиваемое, лишшающее пристойности речевой акт – как если бы мы говорили, к примеру, о “чеченской демократии”. Парадоксальным образом, при всей нашей любви к “духовному” и “возвышенному”, царица наук в этой стране с давних времен влачит жалкое, маргинальное существование. Традиция обмена безответственными и пространными высказываниями побуждает русских искать “философский смысл” где угодно, только не в самой философии: в художественной литературе столетней давности, которой мы невероятно горды, на кухне, в курилке, в пивной, в избе, в таежной глуши» [Тимофеева, 2004, с. 374]. В небольшом фрагменте – вселенский апломб интеллектуала космического масштаба, глубочайшее презрение к русской философии, к тем, кто занимается философской работой в России, к «этой стране», к «русским». Но, конечно, самое потрясающее – это слова о «художественной литературе столетней давности», это грандиозная картинка «русских», которые, за неимением лучшей судьбы, заливают свои комплексы «в пивной», почитывая Достоевского. Прячась подальше, в «таежную глушь», потому что знают, что занимаются чем-то очень постыдным. Очевидно, что ни для чего другого, кроме как заливания гопнических комплексов, Достоевский, по г-же Тимофеевой, не годится. Логика та же, что у К. Платта и у С. Рейнольдса. Чтение Достоевского как радость не допускается в принципе, оно невозможно так же, как невозможно счастье переживания красивой музыки в книге о «ретромании».

В статье, написанной под впечатлениями от итогов дискуссии в НЛЮ [Мартынов, 2014], я высказал предположение о «забвении» истины и реальности как о решающей причине готовности похоронить классику. Если честно, я тогда немножко преувеличивал. Из слов К. Платта и других ликвидацию классики я вычитывал с основаниями на то, но и с некоторым напряжением. Твердой программы ликвидации классики у К. Платта не было, можно было предположить, что это произойдет в каком-то отдаленном будущем. Но будущее наступило очень скоро. В 2014 г. вышла коллективная монография “Reexamining the national-philological legacy”, претендующая на роль манифеста новейшего пост-

колониального литературоведения. Центральной в ней является статья о «малых литературах» фактического лидера мировой современной теории литературы Галина Тиханова [Tihanov, 2014], предельно символическая презентация лютейшего конструкционизма, провозглашающая важнейшие следствия не только для классической литературы, но и для культуры в целом, сразу после появления переведенная и опубликованная журналом «Вопросы литературы» [Тиханов, 2014].

Весь текст Тиханова – в том числе и парадная демонстрация конструктивистского шика à la Делёз. Вся аналитика строится как нечто, добываемое из ученически покорного блуждания по бесконечно богатому миру конструкторов Делёза и всматривания в чудеса этого мира. Пафос манифеста Тиханова: демонтаж филологического образования – неизбежное следствие глобализации. Надо не прятаться, а идти навстречу. А глобализация, среди прочего, трансформирует саму процедуру чтения литературы. Надо и здесь идти навстречу. А это означает, во-первых, необходимость отказа от старой интеллигентской привычки к уединенному личному чтению. Самое яркое место в статье – едкий сарказм над «интимностью» такого акта, итоговый комизм фигуры такого читателя, суетливо занятого поисками «предположительно великого философского смысла литературного шедевра» [Тиханов, 2014, с. 269–270]. Второе. Критика уединенного чтения была бы невозможна, если бы не опиралась на «неклассическое» понимание текста. Здесь Тиханов мужественно честен. Он признается в необходимости пожертвовать принципом аутентичности текста. «Исчезают базовые характеристики текста, на которых строилась традиционная история литературы». «Текущий гипертекст делает устаревшей и недостоверной привычную артикуляцию семантически целостных единиц» [там же, с. 270]. Здесь же оказывается, что, поскольку нет больше текста, а есть «материал», то приходится попрощаться и со связанным с аутентичностью историзмом, т. к. «вопросов об исторической или национальной релевантности такого материала... не возникает» [там же, с. 271]. Ага, здорово. Грустно, но вроде честно. Именно вроде. На самом деле Тиханов некорректно останавливается там, где останавливаться нельзя, надо договаривать. На принципе историчной аутентичности основаны идея музея и идея памятника культуры. Простите, сказать, что аутентичная целостность текста нерелевантна, это то же самое, что сказать «все позволено» по отношению к артефактам. Тогда мы лишаемся права критиковать радикальный фундаментализм за разрушение древних статуй. И тем, кто взорвал статую Будды, и тем, кто разрушил Пальмиру, Тиханов выдает индульгенцию от имени современной науки. Третье. Отказ от аутентичности текста имплицитно опирается на возможность пожертвовать художественной целостностью. Тиханов и это делает спокойно и без истерики. «Собственно литературная сторона литературы

оказывается значимой лишь в той мере, в какой она репрезентативна в отношении социальных и политических смыслов» [там же, с. 268]. То есть художественная целостность – всего лишь малосущественная оболочка политкорректности. Тот объем интеллектуальной работы, который совершается во время истерики на митинге, современная наука хочет сделать универсальной обязательной нормой. Теперь и в чтении предписывается ритм мысли маршевого похода. Г. Тиханов искренне убежден, что в литературном слове нет ничего, кроме экспликации прямого политического действия. При этом он недоговаривает там, где договаривать надо обязательно. Потому что, отменив целостность художественного текста, он легитимизирует не только квазирелигиозный фанатизм, но и большевизм в самой зверской его разновидности. Работа литературоведа в точке отказа от аутентичной целостности художественного текста оказывается полностью тождественной работе следователя-палача, сам текст понимается как туманно написанное признательное показание, а литературоведческая статья стремительно приближается к доносу, как это и было в 1930–1950-е. Кульминация конструктивистского шика – четвертая импликация: готовность пожертвовать аутентичными национальными языками [там же, с. 266]. Общий итог в плане философии культуры: демонтаж «культуры с большой буквы», культуры как таковой в сколько-нибудь внятном её понимании. Манифест Г. Тиханова – выразительный рубеж в развитии этого тренда. «”Высокая культура” <...> маргинализируется, <...> в такой культуре современное общество более не нуждается» [Подорога, 2005, с. 320–321]⁵. «Культура с большой буквы» – почти ругательство, пора вносить в словари в качестве такового.

«Потеря» классики и «высокой культуры» в сегодняшней гуманитаристике – совершенно закономерное явление, которое можно было ожидать. Современное знание фактически отказалось от *понимания*. Признаки забвения понимания отчетливо проявляются практически во всех актуальных дискурсивных программах: в «дискурсе травмы», в «дискурсе об империи», в «постколониальном дискурсе», в гендерной аналитике, в «новом историзме», в социологизированной «интеллектуальной истории» и т. д. А за потерей понимания просматриваются более глубокие катаклизмы. Демонтаж процедур понимания был неизбежным, он – прямое логическое следствие отказа от реальности как от основания работы мысли и от истинного знания о реальности. Потому что *факт существования объективного смысла текста – истина, а само существование смысла – реальность*. Только этим держится серьезность вопрошания об этом смысле, серьезность отношения к тексту.

⁵ Институционально тренд на ликвидацию «культуры с большой буквы» реализован в программе «культурных исследований» В. Куренного, см. подробнее: [Маргынов, 2015].

Да, в первую очередь непременно нужно зафиксировать, что «всякая познавательная деятельность является конструированием» [Касавин, 2013, с. 119], что «слово конструирует объект» [Никифоров, 2015, с. 23]. Но при этом есть ритм «нормальной» интеллектуальной работы, которая вносит свои поправки, оказывается проводником, через который в неявном виде может сохраняться механизм различения адекватности/неадекватности «познавательной деятельности». В этом-то все дело, этот факт предопределяет разницу в вариантах конструктивизма. Если этот механизм работает, если презумпция адекватности слова-конструкции работает, то мир спасен. Именно так спасенным мир остается в академических дискуссиях о конструктивизме, где дискурс размышлений о конструктивизме оказывается устроенным толерантно к реликтам реализма.

Но эта гетерогенность-толерантность исторична. Приходят новые поколения более продвинутых и подготовленных, которые начали сразу с модных трендов, принятых в качестве Абсолюта. В этом случае получается возможным выбросить вон остатки архаичных практик, а потом и напрочь забыть о них. Решающим будет различие между *утратой* и *забвением*. Одно дело сделать заявление об отказе от архаичной привычки полагать смысл текста реальностью, другое дело забыть об этой привычке. Это два состояния, которые дают две разных онтологии. Можно показать, что есть суждения, обязательные для одной, но невозможные в другой, и наоборот. В логике Г. Тиханова важно не то, что объективной истины нет и реальности нет, а то, что этого нет давно, что уже и память обо всем этом выветрилась. Такое состояние можно назвать амнезийным беспамятством. Читая К. Платта, можно было допустить, что такое беспамятство – нечто возможное в отдаленном будущем. Читая Г. Тиханова и С. Жижека, В. Куренного и О. Тимофееву (и многих других), понимаешь, что такая амнезия – состоявшаяся реальность. Жесткий диск очищен от мусора. Все лишнее уже в корзине. Контекстуальная истина и конструктивизм окончательно превращены в роботизированную технологию. Гетерогенность устранена. Произошла стерилизация жизненного мира. Здесь, по-моему, пора остановиться и подумать. Читающий Достоевского робот – это страшно. Прежде всего за Достоевского. Но и за нас тоже. Демонтаж «культуры с большой буквы» – предел конструктивизма и шаг к абсурду. Можно надеяться, что фиксация неизбежности этого абсурда в радикально-конструктивистском модерном знании поможет как минимум увидеть серьезность проблемы. Это тот край, у которого уже вполне можно попытаться поискать понимание поверх барьеров методологий, школ и направлений.

Список литературы

- Живов, 2010 – *Живов В.* Гуманитарные науки: чем мы страдаем и как лечиться // Новое лит. обозрение. 2010. № 106. С. 43–48.
- Касавин, 2013 – *Касавин И.Т.* Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М., 2013. 560 с.
- Мартынов, 2014 – *Мартынов В.А.* Закат филологии // Вестн. Омск. ун-та. 2014. № 3. С. 166–175.
- Мартынов, 2015 – *Мартынов В.А.* Опыт культурологии // Вопр. культурологии. 2015. № 3. С. 33–45.
- Никифоров, 2015 – *Никифоров А.Л.* Язык и картина мира // *Epistemology & philosophy of science / Эпистемология и философия науки.* 2015. Т. 46. № 4. С. 19–27.
- Платт, 2012 – *Платт К.Ф.М.* Аутсайдеры в обители культуры // Новое лит. обозрение. 2012. № 113. С. 69–73.
- Подорога, 2005 – *Подорога В.* Культура и реальность. Заметки на полях // Массовая культура: современные западные исследования. М.: Фонд науч. исслед. «Прагматика культуры», 2005. С. 308–337.
- Рейнольдс, 2015 – *Рейнольдс С.* Ретромания. Поп-культура в плену собственного прошлого / Пер. с англ. В. Усенко. М.: Белое яблоко, 2015. 528 с.
- Тимофеева, 2004 – *Тимофеева О.* Как возможна «провинциальная философия»? // Новое лит. обозрение. 2004. № 70. С. 374–378.
- Тиханов, 2014 – *Тиханов Г.* «Малые и большие литературы» в меняющемся формате истории литературы // Вопр. лит. 2014. № 6. С. 253–278.
- Derrida, 1998 – *Derrida J.* *Archive Fever: A Freudian Impression.* Chicago: University of Chicago Press, 1998. 128 p.
- Tihanov, 2014 – *Tihanov G.* Do ‘minor literatures’ still exist? The fortunes of a concept in the changing frameworks of literary history // *Re-Examining the National-Philological Legacy: Quest for a New Paradigm?* Amsterdam, N. Y.: Rodopi, 2014. P. 169–190.

References

- Derrida, J. *Archive Fever: A Freudian Impression.* Chicago: University of Chicago Press, 1998. 128 pp.
- Kasavin, I. T. *Sotsial'naya epistemologiya. Fundamental'nye i prikladnye problemy.* [Social epistemology. Basic and applied problems]. Moscow: Alfa-M, 2013. 560 pp. (In Russian).
- Martynov, V. “Zakat filologii” [Decline of philology], *Vestnik Omskogo universiteta*, 2014, No. 3, pp. 166–175. (In Russian).
- Martynov, V. Opyt kul'turologii. [The experience of cultural studies], *Voprosy kul'turologii*, 2015, No. 3, pp. 33–45. (In Russian).
- Nikiforov, A. L. “Yazyk i kartina mira” [Language and the picture of the world], *Epistemology & philosophy of science*, 2015, Vol. 46, No. 4, pp. 19–27. (In Russian).
- Zhivov, V. “Gumanitarnye nauki: chem my stradaem i kak lechit'sya” [Humanities: how we suffer and how to be treated], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2010, No. 106, pp. 43–48. (In Russian).

Platt, K. F. M. “Autsaydery v obiteli kul'tury” [Outsiders in the monastery of culture], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2012, No. 113, pp. 69–73. (In Russian)

Podoroga, V. “Kul'tura i real'nost'. Zаметki na poljah” [Culture and reality. Marginalia], in: *Massovaja kul'tura: sovremennye zapadnye issledovanija*. [Popular culture: modern Western research]. Moscow: Fond nauchnykh issledovanii «Pragmatika kul'tury», 2005, pp. 308–337. (In Russian)

Reynolds, S. *Retromaniya. Pop-kul'tura v plenu sobstvennogo proshlogo* [Retromania. Pop Culture's Addiction to Its Own Past]. Moscow: Beloje jabloko, 2015. 528 pp. (In Russian)

Tihanov, G. “‘Malye i bol'shie literatury' v menyayushchemsya formate istorii literatury” [Do ‘minor literatures’ still exist? The fortunes of a concept in the changing frameworks of literary history], *Voprosy literatury*, 2014, No. 6, pp. 253–278. (In Russian)

Tihanov, G. “Do ‘minor literatures’ still exist? The fortunes of a concept in the changing frameworks of literary history”, in: *Re-Examining the National-Philological Legacy: Quest for a New Paradigm?* Amsterdam, New York: Rodopi, 2014, pp. 169–190.

Timofeeva, O. “Kak vozmozhna ‘provintsial'naya filosofiya?’” [How is the ‘the provincial philosophy’ possible?], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2004, No. 70, pp. 374–378. (In Russian)